

11 10
Годъ изданія десятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА (сказка).
ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
КОЛЫВЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.
ВЪ ГРОЗОВУЮ НОЧЬ.
ЛАКОМКА (басня).
НЕЧИСТАЯ СИЛА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 8. Февраль. 1917. Годъ изданія X-й. Два раза въ мѣсяцъ.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Купите цвѣточковъ!

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА.

Сказка.

Не смотря на свои десять лѣтъ, Сима работала съ утра до вечера. Ея отецъ былъ лѣсникомъ, имѣлъ пятерыхъ дѣтей и всѣ они были у него на рукахъ. Сима была самая старшая. Она убирала избушку, варила кашу, ставила самоваръ, шила бѣлье для младшихъ братишекъ и сестреночъ и собирала въ лѣсу сухіе сучья, которые связывала въ пучки и складывала на зиму. А когда наступала ночь, то она укладывалась спать и отъ усталости такъ крѣпко спала, что ее трудно было разбудить.

Она была очень веселаго характера: не смотря на тяжелую жизнь, она всегда пѣла, ни на что не жаловалась—и ее очень полюбила лѣсная волшебница Сильвана. Это была одна изъ тѣхъ добрыхъ фей, благодаря которымъ въ лѣсу бываетъ лѣтомъ такъ хорошо: она приказывала расцвѣтать цвѣтамъ, зеленѣть деревьямъ, распѣвать птицамъ, бѣгать и радоваться звѣркамъ и рости грибамъ. Она любила всѣхъ, кто былъ обиженъ судьбой: если кто-нибудь нуждался и попадалъ къ ней въ лѣсъ, то она усыпляла его и, пока онъ спалъ, засовывала ему въ карманъ золотую или серебряную монету; если кто-нибудь былъ болѣнъ, то она давала ему

какую-нибудь цѣлебную травку. И вотъ однажды, встрѣтивъ у себя въ лѣсу Симу, она плѣнилась ей, какъ ребенкомъ, и рѣшила взять ее подъ свое покровительство.

— Я буду наблюдать за ней, рѣшила она.—Всю ея жизнь я буду руководить ею и по возможности сдѣлаю ее счастливой.

И Сильвана стала наблюдать за Симой издалека и тайкомъ и старалась помочь ей и ея отцу то тѣмъ, то другимъ. Лѣсной феѣ нравилось, что она была веселаго нрава и трудолюбива—и это привлекало ее къ ней все болѣе и болѣе. Иногда Лѣсной феѣ хотѣлось облегчить ея труды, сразу-же обогатить ея отца, но она останавливалась въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, говорила она себѣ.—Трудъ и бѣдность необходимы для cadaго человѣка: они закаляютъ его. Въ особенности трудъ. Подожду еще!

Однажды зимой Сима поѣхала со своимъ отцомъ въ городъ. Это была ея первая поѣздка такъ далеко, первый выѣздъ изъ лѣса. И вдругъ она встрѣтила тамъ столько неожиданныхъ чудесъ! Большіе дома, движеніе на улицахъ, масса огней, удивительныя игрушки и лакомства въ окнахъ магазиновъ, нарядно одѣтыя

дѣти. Все это представилось ей очаровательнымъ сномъ, отъ котораго не хотѣлось проснуться, и она готова была остаться въ городѣ еще хоть на одинъ часокъ, еще хоть на одну лишнюю минуту, чтобы только побыть подольше съ этими чудесами и не возвращаться въ свою убогую лѣсную сторожку.

Но отецъ окончилъ свое дѣло, взявъ ее за руку и повезъ обратно въ лѣсъ. Приѣхали домой ночью, поѣли и улеглись спать. Всю ночь Сима видѣла красивые сны: городъ не выходилъ у нея изъ глазъ и головы. На слѣдующее утро снова началась для нея ея обычная жизнь. Собирая валежникъ, она уже не замѣчала вокругъ себя ничего и не пѣла: ея мысли были заняты тѣмъ, что она видѣла вчера. Къ полудню она какъ-то очень скоро устала и присѣла отдохнуть. Мысли ея были далеко. Соблазнъ уже забрался къ ней въ душу, она была недовольна тѣмъ, что ее окружало, и она печально опустила голову.

Двѣ крупныя слезы скатились у нея по щекамъ. Это замѣтила издали фея Сильвана и подошла къ ней.

— Что съ тобой, Сима? спросила она ее.

— Мнѣ холодно, отвѣтила дѣвочка.

— Успокойся, дитя мое. Сейчасъ я направлю на тебя лучъ солнца и онъ тебя согрѣетъ.

— Мнѣ хочется кушать.

— Оглянись назадъ, тамъ лежатъ два яйца и хлѣбъ.

Сима согрѣлась и поѣла, но слезы все еще продолжали катиться по ея щекамъ.

— О чемъ ты такъ горюешь? продолжала Лѣсная фея.—Что у тебя на умѣ? Ты, кажется, что-то скрываешь?

Дѣвочка отерла слезы.

— Я думаю о тѣхъ дѣтяхъ, отвѣтила она,—которыхъ встрѣтила вчера въ городѣ. Почему они такъ хорошо одѣты и могутъ ѣсть всегда вкуснѣе, чѣмъ я? Развѣ не всѣ дѣти равны? Почему они могутъ, а я не могу?

Сильвана нахмурилась. Эти слова ей не понравились. Но она сдержала себя и ласково погладила Симу по головѣ.

— Не тревожься такъ, милая моя, сказала она.—Пока я около тебя, ты не будешь нуждаться ни въ чемъ. Развѣ ты не согрѣта сейчасъ солнцемъ, котораго въ эту минуту не видишь въ городѣ ни одинъ самый счастливый ребенокъ? Развѣ ты не поѣла сейчасъ съ такимъ аппетитомъ, какого не знаетъ ни одно городское дитя? Развѣ сейчасъ въ городѣ дышутъ такимъ прекраснымъ, чистымъ воздухомъ, какой у насъ здѣсь? Успокойся-же, дитя мое! Здѣсь ты видишь цвѣты, деревья и настоящихъ птицъ и звѣрей, о чемъ городскія дѣти не смѣютъ даже и мечтать!

Но Сима продолжала сидѣть хмурой и пропускала слова Лѣсной феи мимо ушей.

— Значить, ты не довольна своей

судьбой? уже строго обратилась къ ней Сильвана.—Ты хочешь иной жизни, чѣмъ эта? Ты хочешь быть богатой и жить въ городѣ?

—Да, отвѣтила Сима.

Фея подумала.

— Ну, хорошо, сказала она наконецъ.—Я сдѣлаю все, какъ ты хочешь, но пусть послужить тебѣ это урокомъ.

И она сняла съ себя голубую ленту и повѣсила ее на шею Симѣ.

— Береги эту ленточку, дитя мое, обратилась она къ дѣвчкѣ.—Это волшебный талисманъ. Чего-бы ты ни пожелала, эта ленточка сдѣлаетъ для тебя все. Она предоставитъ тебѣ и богатства, и удовольствія, она будетъ переносить тебя съ мѣста на мѣсто,—однимъ словомъ съ этой минуты все будетъ устраиваться по твоему желанію. Но только берегись! Будь умна въ своихъ желаніяхъ и расчетлива въ количествѣ счастья. Не перехватывай черезъ край! Помни, что счастье заключается въ довольствѣ тѣмъ, что имѣешь, а не въ томъ, чтобы больше имѣть. Не забывай, что все то лишнее, безъ чего можно обойтись, а счастье съ лишнимъ не уживаются никогда: чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ хочется еще большаго—и такъ безъ конца. Счастливъ только тотъ, кто доволенъ.

Дѣвочка смотрѣла на нее радостными глазами.

— Значитъ, теперь, воскликнула она,—я могу имѣть все, что захочу?

—Да, продолжала Лѣсная фея,—но

только помни объ одномъ. Всякій разъ какъ исполнится твое желаніе, эта голубая ленточка станетъ чуть-чуть короче. Она будетъ все уменьшаться и уменьшаться и наконецъ исчезнетъ совсѣмъ. Тогда тебѣ уже нельзя будетъ высказывать своихъ желаній.

— И больше я уже не увижу тебя никогда? испугалась дѣвочка.

Сильвана подумала.

— Одинъ только разъ, отвѣтила она, всего одинъ только разъ, когда твоя ленточка придетъ къ концу и уже не будетъ въ состояніи тебѣ помочь, я явлюсь къ тебѣ, чтобы дать тебѣ мой послѣдній совѣтъ. А теперь прощай!..

И Лѣсная фея скрылась.

Въ восторгѣ, не смѣя вѣрить своему счастью, дѣвочка побѣжала къ себѣ въ избушку, зашла за печку и, чтобы никто не увидѣлъ, достала ленту и приказала ей:

— Хочу быть прекрасно одѣтой.

Сима почувствовала, что съ нею вдругъ что-то произошло. Отъ нея стало пахнуть отличными духами и дорогія матеріи зашуршали на ея тѣлѣ. Она взглянула на ленточку; ленточка укоротилась; но она не придавала этому значенія и вышла изъ-за печки.

— Кто эта барышня? испугались ея домашніе при видѣ ея и въ недоумѣніи отошли къ стѣнкѣ и сбились въ кучу.

Братишки и сестренки не узнали ея, да это ее и не обезпокоило. Она

нарядила въ роскошные костюмы и ихъ и отца,—но теперь всѣ они были уже неузнаваемы, смотрѣли другъ на друга такими глазами, точно видѣлись въ первый разъ, и между ними какъ-то сразу вдругъ нарушилось то родственное чувство, та нѣжность, которыя связывали ихъ всѣхъ до сихъ поръ. Они оказались вдругъ въ богатомъ замкѣ, съ величественной обстановкой, съ массою слугъ, на столахъ лежали горы сластей и, кажется, не было у нихъ такого желанія, которое они не могли-бы удовлетворить. А ленточка становилась все короче и короче. Сима увлекалась, высказывала пожеланія безъ конца—все одно другого заманчивѣе и сложнѣе, и что дальше, то больше—привыкала къ тому, что имѣла, и хотѣла новизны. Имѣть что-нибудь новое и ненужное стало для нея привычкой. Лакомства, катанья въ экипажахъ, наряды слѣдовали другъ за другомъ нескончаемой, сказочной чередой, она скоро утомлялась отъ нихъ и каждое утро стала просыпаться все съ новымъ и новымъ желаніемъ.

— Это мнѣ уже надоѣло, думала она.—Чего-бы придумать еще?

И въ концѣ концовъ ей надоѣло все. Ей захотѣлось чего нибудь такого, что удивило бы даже ее самое, что сразу же перевернуло бы всю ея жизнь.

— Вотъ что! обрадовалась она наконецъ.— Пожелаю-ка я сейчасъ сразу вырости, быть большой и пре-

красной, и чтобы ко мнѣ присва- тался какой - нибудь интересный принцъ!.. Воображаю, какъ это будетъ забавно!

Она достала кусочекъ ленточки и высказала передъ ней это желаніе. И вдругъ ей стало сразу же двадцать лѣтъ, сразу же къ крыльцу ея замка подкатила раззолоченная карета и изъ нея вышелъ прекрасный принцъ. Его сопровождала блестящая свита. Онъ вошелъ къ ней въ гостиную и попросилъ ея руки. Она тотчасъ же согласилась и онъ повелъ ее къ вѣнцу.

Это была восхитительная свадьба! Играла музыка, всѣмъ было весело и никому не хотѣлось уѣзжать съ нея домой. Цѣлыя двѣ недѣли продолжались празднества и никому и въ голову не приходило, что надъ головой у принца и молодой принцессы уже висѣлъ ударъ судьбы. Радости закончились слезами: вспыхнула война и король послалъ принца сражаться въ далекіе края.

Долгіе мѣсяцы принцесса оставалась безъ всякихъ вѣстей о мужѣ. Она мучилась, тосковала по немъ, проливала горькія слезы. За всѣ годы несчастіе впервые посѣтило ее, заставило себя почувствовать.

— Подождемъ еще! съ горечью сказала она своимъ придворнымъ дамамъ.— Авось скоро кончится война и нашъ господинъ вернется къ намъ невредимымъ.

Но война окончилась и принцъ не вернулся.

Онъ былъ убитъ и остался лежать навѣки во вражеской землѣ.

Принцесса осталась неутѣшной вдовой. Горе ея было неопишимо, она пролила цѣлые потоки слезъ; для нея было лучше умереть самой, чѣмъ пережить своего мужа. Жизнь со всѣми ея радостями потеряла для нея смыслъ, ей не хотѣлось уже ничего, кромѣ ласки и близости друга, и этого-то друга и отняла отъ нея смерть.

— О, если-бы поскорѣй умереть и мнѣ! воскликнула она.—Какъ бы была я рада, если бы время промчалось стрѣлой и я сразу же сдѣлалась бы старушкой!.. Все - таки было бы ближе къ смерти! Я умерла бы и снова увидѣлась бы со своимъ мужемъ!..

И она случайно, по привычкѣ, дотронулась до своей ленточки и вдругъ сразу же сдѣлалась старухой. Ея волосы побѣлѣли, голова затряслась и все лицо и руки покрылись морщинами. Теперь у ней уже не было никакихъ желаній, ничто ее не веселило и не привлекало къ жизни и все стало ей казаться суетой. Она съ горечью посмотрѣла на остатокъ отъ голубой ленточки. Отъ нея остался уже такой маленькій кусочекъ, что его трудно было держать между двухъ пальцевъ. Слабые глаза старушки едва могли его различать.

Она поглядѣла на него и съ грустью покачала головой. Была-ли она когда-нибудь счастлива вполнѣ

съ тѣхъ поръ, какъ разсталась со своимъ лѣсомъ, съ тѣми, къ кому привыкла и кого когда-то любила больше, чѣмъ самое себя? Гдѣ теперь ея отецъ, ея братья и сестры, ихъ бѣдная, но счастливая избушка? Что теперь можетъ замѣнить ей ея дѣтство, съ его неприхотливыми затѣями, тихими радостями, сладкимъ сномъ, постояннымъ аппетитомъ? Съ какимъ-бы наслажденіемъ она снова стала той прежней Симой, которая когда-то давно-давно собирала по лѣсу сухіе сучья, была довольна и распѣвала съ утра и до вечера свои незатѣйливыя дѣтскія пѣсни?

О, дѣтство, дѣтство!.. Милое, дорогое, счастливое, золотое дѣтство! Какъ-бы ей хотѣлось возвратиться къ нему, чтобы снова быть довольной, ничего не желать, жить только тѣмъ, что послалъ на одинъ день Господь, какъ тѣ милыя, счастливыя пѣвуньи птички, которыя перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку, не заботятся о завтрашнемъ днѣ и не думаютъ ни о чемъ.

И старушка предалась воспоминаніямъ о своемъ далекомъ дѣтствѣ, о жизни въ лѣсу, о лѣсной феѣ Сильванѣ... Гдѣ-то она теперь? Помнить-ли она о ней? Такъ-же ли состарѣлась и она?

И она потеряла между пальцами остаточекъ отъ ленты.

— О, фея Сильвана, фея Сильвана!.. вздохнула она.—Какъ-бы я хотѣла теперь тебя увидѣть!..

И вдругъ около нея появилась Лѣсная фея.

— Я здѣсь, милая Сима! сказала она.—Чего ты желаешь? Говори смѣлѣе. Я могу предоставить тебѣ всѣ богатства міра. Скажи только одно слово—и все будетъ исполнено по-твоему. Скажи, чего ты хочешь?

Старушка посмотрѣла на нее полными слезъ глазами.

— Я хочу своего дѣтства, робко отвѣтила она.—Мнѣ хотѣлось-бы снова быть въ своемъ лѣсу, съ близкими сердцу и трудиться такъ, какъ я трудилась тогда...

Лѣсная фея коснулась ея своею палочкой и старушка снова превратилась въ прежнюю веселую Симу. Она лежала на травѣ, только что проснулась, протирала глаза отъ своего страннаго сна, а вокругъ нея стояли деревья и въ ихъ вѣтвяхъ звонко распѣвали птицы.

Сердце дѣвочки наполнилось радостью.

— Неужели все это былъ сонъ? спросила она и оглядѣлась во-кругъ.

Около нея стояла фея Сильвана и улыбалась.

— Я нарочно навела на тебя этотъ сонъ, сказала она.—Надѣюсь, что ты поняла изъ него, что не всякое желаніе приноситъ счастье!..

Дѣвочка съ облегченіемъ вздохнула и улыбнулась во все лицо.

— А какой-же твой послѣдній совѣтъ? обратилась она къ феѣ.—Вѣдь ты сказала мнѣ тогда, что дашь мнѣ свой послѣдній совѣтъ, когда отъ ленточки не останется ничего.

Лѣсная фея подняла ея съ земли, поставила на ноги и поцѣловала ее въ лобъ.

— Будь довольна тѣмъ, что имѣешь, люби своихъ близкихъ и трудись, не покладая рукъ! отвѣтила она.— Вотъ мой послѣдній тебѣ совѣтъ!

— И я буду счастлива? спросила Сима.

— Да, какъ вотъ эти птицы, которыя распѣваютъ сейчасъ въ лѣсу! И фея Сильвана скрылась.

Сима оглядѣлась по сторонамъ, посмотрѣла на деревья, на птицъ и весело взвизгнувъ, со всѣхъ ногъ побѣжала къ себѣ въ избушку.

Нарцисъ.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Возвращеніе въ Ильинское захватило Женю всю цѣликомъ. Она не знала, на что ей наглядѣться, куда пойти, что предпринять. Ее тянуло и въ паркъ, и въ лѣсъ, и въ библиотеку, и къ щенкамъ. Однимъ словомъ—ея душа разрывалась на части и ей казалось, что время летитъ такъ быстро, что она не успѣетъ ничего сдѣлать и ни на что не наглядится вдоволь. А тутъ, какъ на грѣхъ, завернула дождливая погода и цѣлую недѣлю пришлось просидѣть безвыходно дома. На скорый приѣздъ въ усадьбу семьи Хомутовыхъ теперь уже было мало надежды—и Женя зарылась въ библиотекъ и погрузилась

въ чтеніе. Теперь уже всѣ шкафы были въ ея распоряженіи: она перелистывала всѣ книги, но читала только то, что ей было позволено, и это перелистываніе тоже казалось ей интереснымъ, потому что она находила въ книгахъ картинки и разглядывала ихъ. Это общеніе съ книгами наполнило ей жизнь и онѣ казались ей живыми, но только замолкнувшими, существами, которыя могутъ съ ней въ любое время заговорить и заговорить такъ, какъ ни одинъ человекъ въ мірѣ. Она любила читать.

Но послѣ дождливыхъ дней опять наступила солнечная погода—и Женю снова потянуло на дворъ. Воздухъ былъ такъ чистъ, что видно было все на далекое пространство. Небо стало такимъ голубымъ и безоблачнымъ, какъ на югѣ, и отъ цвѣтовъ шель такой аромать, что имъ наполнялись всѣ комнаты черезъ открытыя окна. Дѣти снова стали проводить время на воздухѣ и еще чаще ходили въ лѣсъ, чѣмъ въ прошломъ году. Рано появились грибы.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ лѣсъ, когда дѣти были одни, безъ старшихъ, они услышали чей-то голосъ. Кто-то за кустами стоналъ.

— Уйдемте скорѣе! Уйдемте! заторопила Вѣрочка и, схвативши Диму за руку, потащила его домой.

уйдемте-же отсюда скорѣе! воскликнулъ снѣгъ.

Женя останоавилась.

— Тамъ кто-то плачетъ! сказала она.

Дима схватилъ за локоть и ее и тоже потянулъ ее къ дому.

— Да уйдемъ-же отсюда скорѣе! воскликнулъ онъ.—Развѣ ты не слышишь, что это—старуха? Это—Егоровна! Вѣдьма!

Женя серьезно на него посмотрѣла.

— Стыдись, Дима! сказала она.— Тамъ кто-то плачетъ, а ты хочешь убѣжать, какъ трусъ!..

Онъ хотѣлъ-было ей что-то отвѣтить, но въ это время издалека раздался голосъ Вѣрочки:

— Дима! Дима! Иди сюда скорѣе!

— Иди къ сестрѣ! обратилась къ нему Женя.—Оставь меня одну! Я не боюсь! Проводи ее скорѣе домой!

— Но какъ-же ты останешься одна?

— Не безпокойся! Я и сама найду дорогу домой. Бѣги скорѣе къ Вѣрочкѣ. Она испугалась. Слышишь, [тебя зовутъ?

Дима посмотрѣлъ то на нее, то въ ту сторону, откуда звала его Вѣра, и, поколебавшись немного, бросился наконецъ къ сестрѣ. Женя осталась одна. Стоны продолжались

— Кто тамъ? спросила она.

Вмѣсто отвѣта кто-то застоналъ снова.

Она раздвинула вѣтви сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣла передъ собой Егоровну. Старушка лежала на травѣ и большая вязанка хворосту прижимала ее къ землѣ. Женя догадалась, что старушка упала подъ тяжестью ноши и никакъ не могла подняться. Она подбѣжала къ ней, взяла ее за плечо и помогла ей приподняться.

— Вставай, бабушка!.. сказала она.—Обопрись о меня!

Старуха поднялась на рукахъ и поглядѣла на нее.

— А ты не изъ нихъ? спросила она.— Не изъ ихъ семьи?

— Нѣтъ, бабушка! отвѣтила Женя.— Я имъ чужая!

Лицо старухи прояснилось.

— Ахъ, ты моя милая! сказала она.—То-то я вижу, что ты не здѣш-

Она увидѣла передъ собою Егоровну.

няя и не убѣжала отъ меня прочь, а сама пришла мнѣ помочь. Благослови тебя, Господь! Охъ, старость не радость! Ноженьки мои стуженыя! Спиношка моя ломотная!

И стоня и крехтя, старушка поднялась съ помощью Жени, на ноги и, изогнувшись подъ тяжестью своей ноши, стала продолжать свой путь.

— Бабушка, дай я тебя провожу! предложила ей Женя.

Повидимому давно уже отвыкшая отъ всякой ласки, старушка просіяла.

— Ангель ты Божій! воскликнула она. — Да тебѣ-ли меня провожать! Дойду и сама!

— Ничего, продолжала Женя, обпрись объ меня и пойдемъ! Все-таки тамъ будетъ легче!

И не дожидаясь, когда Егоровна сдѣлала-бы это сама, дѣвочка подошла къ ней и подставила ей свое плечо. Старушка оперлась о него и такъ они и прошли вмѣстѣ до самой деревни.

На самомъ краю селенія стояла маленькая избушка. Егоровна отворила калитку и прошла во дворикъ.

— Зайди ко мнѣ, сударушка, обратилась она къ Женѣ. — Посѣти меня, мой ангель Божій!

Женя вошла вслѣдъ за нею во дворикъ. Тамъ, позванивая колокольчикомъ, ходила коза, и пѣтухъ и двѣ курицы рылись въ пучкѣ соломы. Вездѣ было чистенько, аккурат-но. Старушка достала изъ кармана ключъ и отперла дверь въ избушку.

Крестясь и крехтя, она вошла въ нее. Женя послѣдовала за нею.

— Охъ-хо-хо!.. вздохнула старушка. — Грѣхи наши тяжкіе! Входишь къ себѣ точно въ чужой домъ! Умрешь—никто и не узнаетъ, что умерла, некому будетъ за козой и курами приглядѣть. А смерть-то ужъ не за горами!.. Охъ-хо-хо-хо!..

— Развѣ у тебя, бабушка, никого нѣтъ родныхъ? спросила Женя.

— Нѣтъ, красавица! отвѣтила Егоровна, опускаясь на лавку. — Никого нигдѣ и не было! Охъ, ноженьки мои, ноженьки, спиношка моя ломотная! Такъ и гудутъ, такъ и гудутъ!.. Я съ молоду еще овдовѣла, милая ты моя, и была взята въ няньки къ покойному инженеру Кирсанову, царство ему небесное! Кирсановы—наши господа съ испоконъ вѣковъ и мы ихъ бывшіе крѣпостные...

Женя сѣла рядомъ съ нею.

— Думала вотъ, что у нихъ и кости сложу, продолжала старушка. — что у нихъ и умру, анъ вотъ вышло иначе. Приѣхали вотъ эти самыя господа и выгнали меня изъ дому!... Ну, да имъ Богъ за все заплатитъ!

Женѣ было тяжело слышать изъ устъ самой старушки, что Сергѣй Андрееичъ и Нина Петровна были къ ней такъ несправедливы.

Она пересѣла къ окошку и посмотрѣла изъ него на улицу. Солнце уже садилось и все было окрашено въ оранжевый цвѣтъ. Пора была

уже бѣжать домой, потому что, послѣ возвращенія изъ лѣса Димы и Вѣрочки, Жени могли хватиться и для старушки вышла-бы новая неприятность. И вдругъ глаза ея упали на превосходные фарфоровые северскіе часы, стоявшіе на полочкѣ у иконы.

— А это что за часики? спросила она, собираясь уходить.

— Это передалъ мнѣ самъ мой покойный баринъ инженеръ Кирсановъ, отвѣтила старушка.— «Егоровна, сказалъ онъ мнѣ, возьми эти часы и храни ихъ, какъ зѣницу ока. Передай ихъ, сказалъ онъ, одной дѣвочкѣ, когда ей исполнится десять лѣтъ». И вотъ я берегу ихъ и все жду эту дѣвочку... Да, видно такъ и не дождусь, умру,.. Это пріѣзжіе, чужіе, хотѣли-было отнять ихъ у меня. Да я не отдала. Не отдавала имъ и ничего, да вотъ силой взяли! — «Уйдите, говорю,— все это Аркашенькино, онъ одинъ Кирсановъ только и остался, не желаю васъ знать, онъ нашъ наслѣдникъ, и больше ничего!» А они вишь отвѣтили:— « Это все, молю, теперь, наше, потому что послѣ инженера Кирсанова завѣщанія не осталось и все принадлежитъ намъ. А твой, молю, Аркашенька умеръ тоже гдѣ то за границей!» Билась я, билась съ ними, да и добилась того, что они меня и саму то изъ усадьбы выселили, да вотъ и сослали сюда! Присылаютъ мнѣ кой чего, муки да крупы, да я отъ нихъ не беру... Не

хочу... Проживаю послѣднее, что оставилъ мнѣ покойный инженеръ Кирсановъ, а отъ нихъ не хочу!.. Они не мои законные господа!

Женя слушала ее, и весь ея рассказъ и все то, что она слышала раньше о ней и о покойномъ инженерѣ Кирсановѣ, пріобрѣтали для нея теперь какой то странный, фантастическій смыслъ. Этотъ неизвѣстный Аркашенька, который вдругъ объявился ненадолго въ Ильинскомъ и снова исчезъ, какая то дѣвочка десяти лѣтъ и эти удивительной работы фарфоровые часы казались ей героями какой то сказки, а самая старушка доброй феей, которая вдругъ сразу, по мановенію волшебнаго жезла, можетъ превратиться въ молоденькую принцессу и сдѣлать многихъ счастливыми или же рассказать что-нибудь такое, что будешь слушать цѣлые дни и не наслушаешься никогда.

— Прощай, бабушка! сказала она и подошла къ Егоровнѣ.

— Уже уходишь? отвѣтила старушка.— Ну, прощай!.. Спасибо тебѣ, что зашла!

Женѣ было жаль оставлять ее одну и что то подсказывало ей, что эта одинокая старушка нуждается въ ласкѣ, въ тепломъ словѣ и что она страдаетъ только потому, что до сихъ поръ остается вѣрной своему слову и своему, уже покойному, господину.

— Прощай, бабушка! повторила Женя и, обнявши Егоровну за шею, поцѣловала ее въ желтую, сухую,

морщинистую щеку. Неожидавшая такой ласки, старушка прослезилась.

— Благослови, тебя, Господь! сказала она.—Матерь Божія, вознагради тебя сторицею!

Женя поцѣловала ее въ другую щеку и побѣжала домой.

До усадьбы было версты полторы. Солнце уже сѣло, но было еще свѣтло, и слышно было, какъ мычаль скотъ и блеяли овцы, которыхъ гнали ко дворамъ. Длинные тѣни потянулись отъ деревни и въ низинкахъ стали подыматься легкій, чуть замѣтный туманъ. Всю дорогу Женя бѣжала бѣгомъ. Ей представлялось уже, какъ ее хватятъ дома, какъ во всѣ концы пошлютъ ее разыскивать и какъ изъ-за ея отсутствія выйдетъ непріятная исторія. Къ тому-же скоро уже будутъ пить вечерній чай.

И она побѣжала еще скорѣе. Какъ вдругъ на поворотѣ дороги, тамъ, гдѣ она огибала крестьянскій березнякъ, Женя увидѣла самого Сергѣя Андреевича. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ шелъ ее разыскивать, потому что, увидавши ее, онъ радостно улыбнулся и поспѣшилъ ей навстрѣчу.

— Ты гдѣ-же это такъ долго пропадала? обратился онъ къ ней съ тономъ легкой укоризны въ голосѣ.—Гдѣ ты была?

Женя указала ему назадъ.

— Тамъ... отвѣтила она.—Въ деревнѣ!

Сергѣй Андреевичъ нахмурился.

— Ты была у нея? спросилъ онъ.—Ты ходила къ старухѣ?

Она взяла его подъ руку и пошла рядомъ съ нимъ.

— Не сердись, дядечка, сказала она ласково.—Егоровна упала, хворостъ навалился на нее, и она никакъ не могла подняться и идти. Я помогла ей и проводила ее до дверей. Вѣдь нельзя-же было оставить старуху одну!

— И это ты сдѣлала сама?

— Ну, конечно! Я проводила ее, побыла у нея пять минутъ и пошла домой. Напрасно ты безпокоился и вышелъ меня встрѣчать!

— Да мы всѣ испугались за тебя. Дѣти прибѣжали—лица на нихъ нѣтъ, говорятъ, что ты осталась въ лѣсу одна—вотъ я и вышелъ тебя встрѣчать.

И обнявши ее за плечи, онъ прижалъ ее къ себѣ, и такъ они и продолжали свой путь, прижавшись одинъ къ другому.

— Ты хорошо сдѣлала, что поспѣтила эту старушку, сказала наконецъ послѣ долгаго молчанія Сергѣй Андреевичъ.—Она одинока, нуждается въ помощи, но положительно не хочетъ насъ признавать и принимать отъ насъ услуги. Она горда по-своему и хочетъ до самой смерти оставаться вѣрной своему умершему господину и какому-то еще... Аркашенькѣ, котораго я и въ глаза никогда не видалъ. Ты должна время отъ времени навѣщать ее и кое-что передавать ей отъ меня. Отъ тебя,

вѣроятно, она возьметъ. Необходимо ее пожалѣть...

Женѣ было пріятно это слышать. Значитъ, она не сдѣлала ничего дурного, что задержалась такъ долго одна!

Они прошли еще сажень пятьдесятъ молча, и вдругъ Сергѣй Андреевичъ задалъ неожиданный вопросъ:

— Ну, а часы ты видѣла у нея?

— Да, отвѣтила она.—А что?

— Такъ ничего..., продолжалъ онъ.

— Эти часы составляютъ для меня непонятную вещь. Мнѣ не хотѣлось бы объ Егоровнѣ плохо думать. Она — безпокойный человѣкъ, но безусловно честный. Вся наша прислуга, которая перешла къ намъ въ услуженіе отъ покойнаго инженера Кирсанова, утверждаетъ, что эти фарфоровые часы находились у него всегда въ кабинетѣ. Когда-же мы пріѣхали сюда, то она присвоила ихъ себѣ. Я попробоваль-было ихъ у нея отобрать, но она, бѣдняга, сдѣлала цѣлый скандалъ. Но почему именно часы? Почему не какую-нибудь другую вещь, а именно часы? Конечно, я отступился и отдалъ ихъ старухѣ, но все-таки въ этомъ есть что-то странное и таинственное! Я не могу себѣ представить, чтобы такая почтенная старушка, какъ Егоровна, которую ты видѣла,—и могла воровать. А часы настолько дороги сами по себѣ, что о нихъ всѣ тотчасъ-же стали говорить.

Онъ смолкъ. Весь остато къпути они прошли молча. Онъ думалъ о чемъ то своемъ, а у нея въ глазахъ все еще стояла избушка на краю селенія и въ ней—одинокая гордая старуха и таинственные фарфоровые часы, которые почему-то такъ занимали графа и такъ были дороги для нея самой.

Они возвратились домой какъ-разъ къ вечернему чаю. Было тихо и тепло, летали жуки, трещали кузнечики и еще сильнѣе пахло цвѣтами, чѣмъ днемъ.

— Ну, нашъ садовникъ въ нынѣшнемъ году превзошолъ самого себя! воскликнулъ Сергѣй Андреевичъ, выйдя на балконъ. — Кажется, всю ночь простоялъ-бы такъ на воздухѣ и не ложился-бы спать!

Дѣти попросили позволенія поиграть въ палочку-воровочку и еще долго слышались въ паркѣ ихъ голоса. Сергѣй Андреевичъ взялъ Нину Петровну подруку и пошелъ съ нею въ дальнія аллеи погулять. Выходила большая, красная луна.

Чтобы лучше спрятаться и не дать себя скоро найти, Женя забѣжала въ глубину парка и сѣла въ кусты. Теперь ее долго не найдутъ. Она неожиданно выскочить, побѣжить къ палочкѣ и выручить Вѣрочку.

И она стала прислушиваться къ голосу Димы, чтобы судить по его выкрикамъ, когда надо будетъ выбѣжать изъ-за кустовъ и выручать. И вдругъ изъ сосѣдней аллеи до нея донесся явственный голосъ Нины Петровны:

— Вѣдь мы получили все это имѣніе потому только, тихо говорила она, — что послѣ покойнаго дяди Кирсанова не осталось духовнаго завѣщанія!.. А что, если оно найдется? Что, если вдругъ явится кто-нибудь другой, предъявить духовное завѣщаніе дяди и выгнать насъ изъ уже насиженнаго нами гнѣзда?

Сердце у Жени забилось. Она слышала весь разговоръ отъ слова до слова и не знала, что ей дѣлать. Она знала, что подслушивать было нехорошо, но въ то-же время и выскочить сейчасъ изъ кустовъ значило-бы поставить Сергѣя Андреевича и Нину Петровну въ неловкое положеніе. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она забѣжала такъ далеко!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! отвѣчалъ женѣ Сергѣй Андреевичъ. — Возможность существованія гдѣ-нибудь этого завѣщанія ни на одну минуту не выходитъ у меня изъ головы. Вѣдь мы не украли это имѣніе. Ты получила его по закону, какъ племянница послѣ своего дяди, и мы владѣемъ имъ по праву. И вдругъ явится какой-нибудь Аркашенька и тогда... Сергѣй Андреевичъ не докончилъ своей фразы.

— Ну, а что дѣлаетъ старуха? спросила Нина Петровна. — Не хранить-ли она духовнаго завѣщанія у себя и не стоворилась-ли уже о чемъ-нибудь съ этимъ Аркашенькой? Не даромъ-же онъ такъ незамѣтно отсюда исчезъ!

— Не знаю... отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ. — Все это очень темно... Такъ-же темна исторія и съ этими фарфоровыми часами... Однимъ словомъ, въ одинъ прекрасный день мы можемъ оказаться нищими!..

У Жени забилось сердце, и все помутилось въ глазахъ. Аркашенька, часы, духовное завѣщаніе, старуха, возможность для этихъ близкихъ для нея людей оказаться нищими—все это закружилось у нея въ головѣ, и она схватилась за грудь и едва переводила дыханіе. Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна были уже далеко, по-прежнему летали жуки и трещали кузнечики, а она сидѣла въ кустахъ и никакъ не могла придти отъ волненія въ себя.

— Же-ня! доносился до нея крикъ Димы. — Да иди-же сюда! Выбѣгай! Гдѣ ты спряталась? Уже пора!

Она слышала этотъ голосъ, не знала, что на него отвѣтить, а потомъ собралась съ силами, выскочила изъ кустовъ, побѣжала къ дому, схватила палочку и три раза стукнула ею о скамью.

— Выручила Вѣруську! громко крикнула она, и, боясь, какъ-бы кто-нибудь по ея лицу не догадался объ ея тайнѣ, она весело и раскатисто засмѣялась.

Но смѣхъ показался ей самой фальшивымъ, она сказала, что уже поздно и что она устала и, поцѣловавъ наскоро Диму и Вѣрочку, она убѣжала къ себѣ въ комнату и заперлась.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Тр.—

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, моя дѣточка, спи, дорогая!
 Ангель слетѣлъ ужъ къ постелькѣ
 твоей.
 Крылышкомъ ласковымъ сонъ навѣ-
 вая,
 Онъ тебя ряской покроетъ своей.

Сны будешь видѣть подь ней не про-
 стые:
 Будешь гулять ты въ прекрасномъ
 раю,
 Яблочки будешь срывать золотые...
 Спи, моя дѣточка, спи, бай-баю!

И не увидишь, какъ скроется ночь,
 Какъ яркое солнышко встанетъ съ утра...
 Спи, моя дѣточка, спи, моя дочка,
 Я разбужу, когда будетъ пора!

Ирисъ.

ВЪ ГРОЗОВУЮ НОЧЬ.

— Не бойтесь, дѣтки!... обратился къ намъ дѣдушка. — Это пройдетъ!..

Давно уже пора была идти спать, но мы всѣ четверо столпились въ кучку и при каждомъ ударѣ грома вздрагивали и косо поглядывали на окна. Былъ вечеръ и большія окна нашей усадьбы такъ и вспыхивали отъ частыхъ молній. — Мы ни за что не хотѣли сознаться передъ дѣдушкой, что боялись грозы, но какъ-то невольно присѣдали отъ страха при каждомъ ударѣ грома.

— Не бойтесь, дѣтки! повторилъ дѣдушка. — Садитесь-ка лучше сюда, на диванъ, и я расскажу вамъ о томъ, что когда-то, уже давно, случилось со мной въ такую-же вотъ ночь, какъ и эта.

Мы любили, когда намъ рассказы-
 валь дѣдушка свои исторіи, и не

заставили себя долго упрашивать. Маленькая сестренка Лиля тотчасъ-же взобралась къ нему на колѣнку, сестры Рита и Кися сѣли на медвѣжью шкуру у его ногъ, а я остался слушать стоя.

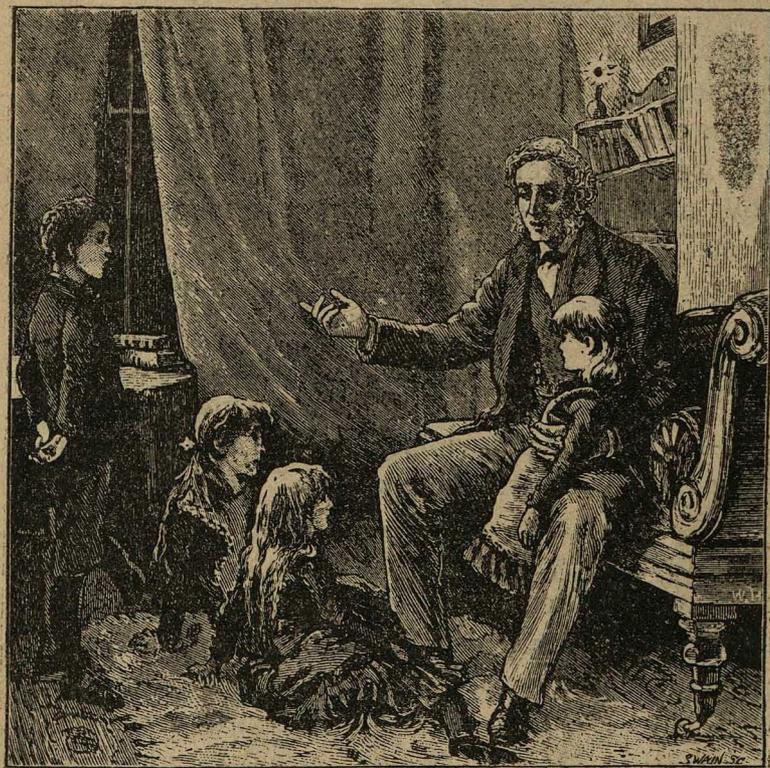
— Ну-съ, начинаю... сталъ рассказывать дѣдушка. — Это было очень давно, въ тѣ далекія времена, когда я еще только что окончилъ курсъ университета и молодымъ двадцати-трехлѣтнимъ врачомъ приѣхалъ въ отдаленный южный городокъ, затерявшійся въ степи не далеко отъ Азовскаго моря. Я хотѣлъ тамъ начать свою жизнь, заняться лѣченіемъ больныхъ и если мнѣ повезло-бы, то и поселиться тамъ навсегда. Значить, это было лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Тогда еще въ тѣхъ мѣстахъ проходила всего толь-

ко одна желѣзная дорога, населеніе было рѣдкое, село отъ села отстояло на двадцать или даже на тридцать верстѣ и когда кто-нибудь уѣзжалъ на лошадахъ по дѣламъ въ Харьковъ, то служили напутственный молебень. Случались когда-то, еще въ далекія времена, вооруженные грабежи и, конечно, грабителей полиція не находила, такъ что спастись отъ нихъ предоставлялось самимъ обывателямъ и въ нашемъ городкѣ по привычкѣ положительно во всѣхъ нижнихъ этажахъ домовъ были сдѣланы желѣзныя рѣшетки. По безконечнымъ степямъ ходили отары овецъ головъ тысячъ въ двадцать и никто не зналъ, кому

онѣ принадлежали. Каждый селился тамъ, гдѣ хотѣлъ, такъ какъ земли было много. Цѣлыми таборами перѣзжали съ одного мѣста на другое цыгане и въ нашемъ городѣ пугали ими непослушныхъ ребятъ.

Городокъ, въ который я пріѣхалъ, былъ чистенькій, благоустроенный, но совершенно сонный. Бывало, на его улицахъ въ теченіе цѣлаго дня не встрѣтишь ни единой души. Всѣ знали другъ о другѣ все и всѣ были межъ собой знакомы. И странное дѣло, у всѣхъ насъ были желѣзныя рѣшетки на окнахъ, но дверей и калитокъ мы никогда не запирали и даже понятія не имѣли о томъ, что

такое слесарь, починяющій замки. И если у кого-нибудь дѣйствительно ломался замок и нужно было его починить, то для этого у насъ былъ настройщикъ. Куртъ, который настраивалъ фортепіаны и шилъ обувь, и дѣлалъ часы, и чинилъ замки — все вмѣстѣ. Самыми большими аристократами во всемъ городѣ были исправникъ и докторъ, то есть я. Только мы двое имѣли право сидѣть до одиннадцати часовъ при огнѣ, всѣ же остальные жители ложились спать съ пѣтухами.

— Ну-съ, начинаю!.. сталъ рассказывать дѣдушка.

Послѣ купанья.

Такъ тянулись дни за днями, я уже совсѣмъ привыкъ на своемъ новомъ мѣстожительствѣ, какъ вдругъ весь нашъ городъ пришелъ въ неописуемое волненіе: у насъ случилось воровство! Сколько лѣтъ не случалось, не смотря на желѣзныя рѣшетки и на никогда не запиравшіяся двери и ворота,—и вдругъ на-тебѣ! Всѣ переполошились, только и разговоровъ было, что объ этомъ событіи.

— Неужели это правда? удивлялись одни.

— Да, представьте себѣ.. отвѣчали другіе.—Сорокъ лѣтъ не было въ нашемъ городѣ ни одного пожара, ни одной кражи—и вдругъ воры залѣзли къ отцу протоіерею и украли у него все его столовое и чайное серебро! Бѣдная матушка просто въ отчаяніи!..

— Но кто-бы это могъ сдѣлать?

— Кто-жъ его знаетъ? Развѣ узнаешь, кто воръ, а кто честный!

И вдругъ какой-то мальчишка лѣтъ пятнадцати сказалъ:

— Да это, тетенька, цыганы! Они стоятъ сейчасъ таборомъ верстахъ въ семи отъ насъ! Дяденька Семень Егорычъ вчера ѣхалъ изъ Еланскихъ хуторовъ и самъ видѣлъ, какъ они тамъ расположились таборомъ!

— Ну, цыганы и есть! обрадовались наши кумушки.—Кому-жъ придетъ въ голову охота красть, кромѣ цыганъ? Надо теперь все запирать!

Поговорили, потолковали и, какъ водится, скоро всѣ успокоились. Такъ

дѣло о покражѣ и было забыто всѣми, кромѣ отца протоіерея. Онъ даже похудѣлъ отъ огорченія.

Недѣли двѣ спустя, я былъ разбуженъ среди ночи сильнымъ ударомъ грома. Гроза была прямо-ужасающая. Окна такъ и освѣщались молніей разъ за разомъ. Даже мнѣ, взрослому, было въ первую минуту не по себѣ. И вдругъ кто-то сильно заколотилъ ко мнѣ кулакомъ въ парадную дверь.

«Неужели за мной къ больному?» подумалъ я съ досадой и очень пожалѣлъ тогда, что я былъ докторомъ.

Я жилъ одиноко, и жаль было будить прислугу. Поэтому я высунулся изъ окна.

— Кто тамъ? спросилъ я, но тотчасъ-же откинулся назадъ, потому что цѣлая струя дождя полилась мнѣ на затылокъ.

— Я за докторомъ..., послышался отвѣтъ.—Мой мальчикъ умираетъ... Могу я попросить доктора отправиться ко мнѣ какъ можно скорѣй? Я нахмурился.

— А вы кто такой? спросилъ я,—потому что и самый голосъ незнакомца и манера говорить показались мнѣ странными.

— Умоляю васъ, докторъ, послѣдовалъ отвѣтъ.—Поспѣшите! Мой мальчикъ при смерти!

— Но вы прежде скажите, кто вы и гдѣ вы живете?

Въ это время сверкнула молнія и освѣтила все на далекое пространство. Я увидѣлъ высокаго черново-

лосаго, почти совсѣмъ смуглаго чело-
вѣка, въ какомъ-то странномъ костю-
мѣ, и мнѣ тотчасъ-же пришла на умъ
фраза мальчишки о цыганахъ.

— Вы цыганъ? спросилъ я его.

— Да, докторъ. Но имѣйте жа-
лость, умоляю васъ; каждая минута
дорога: поспѣшите со мной, иначе
мой мальчикъ безъ вашей помощи
умретъ. Если-бы у васъ у самого
были дѣти, то вы не встрѣтили-бы
меня такъ сурово!

Я вспомнилъ о воровствѣ у отца-
протоіерея, и въ мою душу закралось
подозрѣніе: не желаютъ-ли сейчасъ
сыграть такую-же штуку и со мной?
Но сдерживаемыя слезы въ голосѣ
незнакомца тронули меня.

— Но почему вы такъ увѣрены,
что я поѣду съ вами именно въ та-
кую грозу? спросилъ я его.—Кто
васъ знаетъ, кто вы такой! Быть
можетъ, вы хотите что-нибудь сдѣ-
лать со мной? Въ такую погоду даже
собаку жалко беспокоить, а вы беспо-
коите меня!

Незнакомецъ глубоко вздохнулъ.

— Значить, вы не пойдете ко мнѣ?..
съ грустью сказалъ онъ.—Ну Богъ
съ вами! Если-бы у васъ у самого
умиралъ ребенокъ...

Но тутъ я его остановилъ. Мнѣ
стало его невыносимо жалъ. Къ тому
же, и честь врача заговорила во мнѣ
и взяла верхъ надъ всѣми моими
чувствами: я не имѣлъ права отка-
зывать въ помощи никому.

— Подождите! сказалъ я рѣши-
тельно.—Обѣщаете-ли вы мнѣ, что

я вернусь сюда въ полной безопас-
ности—и я сейчасъ-же отправлюсь
вмѣстѣ съ вами? Вѣдь я догадыва-
юсь, кто вы. Вы—изъ цыганскаго
табора. А вамъ никто не вѣрять.
Дадите-ли вы слово, что будете со
мною благородны?

Незнакомецъ улыбнулся и при
свѣтѣ молніи показаль свои бѣлые
зубы.

— Клянусь вамъ честью, докторъ!
радно воскликнулъ онъ.—Я до-
ставляю васъ невредимымъ до самой
этой двери! Если-бы можно было
приказать дождю не идти, то я
сдѣлалъ-бы такъ, что на васъ не
упало-бы ни одной его капли!..

Онъ сказалъ это такимъ тономъ,
что я не могъ ему не повѣрить, и
черезъ пять минутъ уже былъ одѣтъ
и держалъ въ рукѣ чемоданчикъ
съ инструментами и необходимыми
лѣкарствами. Затѣмъ я отперъ дверь
и приказаль цыгану войти ко мнѣ,
чтобы лучше разглядѣть при огнѣ
его лицо. Оно не понравилось мнѣ
съ перваго-же взгляда, но все-таки
не повѣрить въ искренность цыгана
я не могъ.

Мы вышли затѣмъ на улицу и
зашагали по грязи въ темнотѣ,
бокъ-о-бокъ. Гроза стала еще силь-
нѣе, чѣмъ была. Съ неба лились
цѣлые потоки дождя. Пройдя квар-
тала два, я увидаль въ темнотѣ
что-то темное: это оказались двѣ
лошади, которыхъ держаль подъ
узды какой-то другой неизвѣстный
человѣкъ

— Садитесь, докторъ, на лошадь!.. обратился ко мнѣ цыганъ и что-то по своему сказалъ челоуѣку, державшему коней подъ уздцы.— Не бойтесь. Я не отстану отъ васъ ни на шагъ. Я исполню свое обѣщаніе: вы будете въ безопасности.

Я сѣлъ на коня, цыганъ вскочилъ на другого—и мы поскакали. Темная личность осталась позади и зашагала пѣшкомъ.

Я многое потомъ испыталъ въ своей долгой жизни, но, признаюсь, это путешествіе подъ проливнымъ дождемъ, при вспышкахъ молніи и при яростныхъ раскатахъ грома, въ неизвѣстное мѣсто, къ людямъ, которыхъ я считалъ недобросовѣстными и не любилъ, памятно мнѣ до сихъ поръ. Я испытывалъ страхъ,

сознавалъ, что находился въ полной власти у своего проводника, такъ какъ не имѣлъ при себѣ никакого оружія, и единственнымъ утѣшеніемъ для меня оставалось то, что я исполнялъ свой долгъ.

Всю дорогу мы молчали. Я не помню, сколько времени продолжалось наше путешествіе,—оно показалось мнѣ безконечнымъ,—помню только, что мы скакали во весь духъ, прямо по травѣ, черезъ одинокую, унылую степь, которая при вспышкахъ молніи казалась прямо-таки страшной по своей безконечности, и я каждую минуту, какъ ударялъ точно изъ пушки громъ, въ страхѣ прижимался къ гривѣ лошади.

Какъ вдругъ ко мнѣ подскакалъ мой спутникъ и схватилъ за уздечку моего коня. Онъ остановился.

— Подождите, докторъ, обратился ко мнѣ цыганъ.—Мы ужъ близко. Теперь я долженъ завязать вамъ глаза.

— Зачѣмъ? спросилъ я робко и сердце во мнѣ забилося.

— Чтобы вы не видали всего!

Онъ завязалъ мнѣ платкомъ глаза и повелъ мою лошадь за собою уже подъ уздцы. Мы поскакали вновь. Чтобы не свалиться съ коня, я схватился руками за гриву. Затѣмъ конь остановился такъ быстро, что я чуть не перелетѣлъ черезъ его голову, и кто-то сорвалъ съ моихъ глазъ повязку.

Мы приѣхали. Передъ нами спустился въ лошину лѣсъ, сквозь ко-

Испугался.

торый привѣтливо мелькали огоньки. Какая-то темная фигура тотчасъ же подошла къ намъ и взяла отъ насъ лошадей.

— Ну, что, какъ мальчикъ? обратился къ ней мой спутникъ.— Живъ еще? Я привелъ къ нему доктора!

— Еще живъ, отвѣтила темная фигура.— Васъ ждутъ!

По узенькой тропинкѣ, раздвигая вѣтви, съ которыхъ на насъ цѣлымъ дождемъ спадали капли, мы вышли на площадку, на которой моимъ глазамъ представилась странная картина.

Дождь прекратился, гроза гремѣла уже гдѣ-то далеко и молніи вспыхивали только въ сторонѣ. Среди площадки горѣлъ большой костеръ и вокругъ него сидѣли и грѣлись человѣкъ пятнадцать цыганъ. Тутъ-же стояли кибитки и къ нимъ были привязаны лошади, положительно всѣ мокрая, которыя фыркали и перетапывались съ мѣста на мѣсто. Всѣ люди, сидѣвшіе у костра, показались мнѣ очень озабоченными и при моемъ появленіи почтительно встали и поклонились. Я отвѣтилъ имъ общимъ поклономъ.

— Это докторъ! сказалъ имъ мой спутникъ.

Затѣмъ, прямо черезъ ихъ толпу, какъ разъ мимо самаго костра, онъ провелъ меня къ палаткѣ, посреди которой горѣлъ фонарь. Въ ней я увидѣлъ трогательную сцену: красивая, молодая цыганка, со скорб-

нымъ выраженіемъ на лицѣ, сидѣла на маленькой скамеечкѣ и держала на колѣняхъ пылавшаго въ жару ребенка. Ея лицо поразило меня своимъ выраженіемъ глубокой, безысходной печали. При первомъ-же взглядѣ на нее можно было видѣть, что бѣдная мать безумно любила своего ребенка и боялась его потерять. Увидѣвъ своего мужа и меня, она вздрогнула, и лицо ея освѣтилось надеждой.

— Я привелъ доктора, Зеила!... обратился къ ней мой спутникъ

Прилетѣли!..

и нѣжно поцѣловаль ея въ лобъ. — Онъ спасетъ намъ нашего ребенка!

— О, помоги ему, мой господинъ! воскликнула цыганка, обратившись ко мнѣ, и поцѣловала край моей одежды.—Если ты спасешь его, то Богъ не оставитъ тебя, и ты будешь счастливый!..

Я тотчасъ-же принялся за осмотръ ребенка. Мы положили его на какую-то шкуру, я изслѣдовалъ его и убѣдился, что у него былъ дифтеритъ. Нельзя было терять ни одной минуты. Время было упущено, ребенокъ уже задыхался, и въ моей душѣ возникали сомнѣнія.

Удастся ли мнѣ его спасти? Помогутъ ли ему тѣ средства, которыми я тогда располагалъ? Это было для меня вопросомъ, и мнѣ было досадно и самому, что я не могъ сдѣлать больше того, что умѣлъ и что захватилъ съ собою. Горе отца и матери было такъ глубоко и такъ безнадежно, что хватало меня за душу,—и я уже давно позабылъ свои страхи и опасенія и уже видѣлъ передъ собой не цыганъ и не воровъ, а людей, которые любили и страдали и которые умѣли чувствовать такъ-же, какъ и я самъ.

И я засуетился и захлопоталъ. Была тотчасъ-же согрѣта вода и разлита по тазамъ, палатка наполнилась теплымъ паромъ, я принялся за ребенка и готовъ былъ въ ту ночь отдать свою собственную жизнь, чтобы только спасти его. Я не спалъ

всю ночь, я напрягалъ всѣ свои знанія и умъ, я пересиливалъ въ себѣ усталость, я боролся съ болѣзною не на жизнь, а на смерть—и наконецъ осилилъ ея. Подъ утро мальчикъ успокоился и заснулъ. Жаръ въ немъ понизился и опасность миновала навсегда. А когда въ палатку проникли первые лучи разсвѣта, то мать подняла голову и спросила у меня:

— Ну, что, мой добрый господинъ? Что теперь будетъ дальше?

— Онъ спасенъ, отвѣтилъ я ей.— Онъ будетъ жить.

Она прижалась щекой къ полѣ моего сюртука. Слезы покатались у нея по щекамъ. Затѣмъ она стала цѣловать мои руки. Вошелъ ея мужъ и тоже спросилъ меня:—

— Ну, что, докторъ?

Я отвѣтилъ ему то-же:—Вашъ ребенокъ выздоровѣетъ. Онъ останется живымъ.

Цыганъ закрылъ обѣими руками лицо и заплакалъ. Но это были слезы облегченія.

Потомъ взошло солнце и освѣтило всю мокрую природу. Поднимался туманъ. Было знобко и непривѣтливо. Я еле держался на ногахъ отъ усталости и мнѣ хотѣлось домашняго уюта и тепла. Фыркали лошади.

Я вышелъ изъ палатки и размялъ члены. Весь таборъ спалъ. Меня ужасно потянуло домой и показалось здѣсь все чуждымъ и страннымъ, точно въ тяжеломъ кош-

марномъ снѣ. Но какъ было вы-
браться отсюда?

— Да благословить васъ Богъ!
крикнула мнѣ вслѣдъ цыганка и
еще долго стояла и смотрѣла, какъ
мы оба удалялись отъ табора.

Безграничная степь, теплые сол-
нечные лучи и веселое пѣніе птицъ—
и вотъ наконецъ виднѣется и нашъ
городъ. Не доѣзжая до него съ вер-
сту, мы останавливаемся и слѣзаемъ
съ коней.

Цыганъ беретъ отъ меня лошадь
и прощается со мной.

— Я не поѣду дальше, говоритъ
онъ.— Мнѣ нельзя. Вы, докторъ,
отправитесь въ городъ одни...

Я не возразилъ ему, такъ какъ
былъ радъ, что пройду съ пѣшкомъ.
Я былъ плохимъ ѣздокомъ на ло-
шади, и всѣ члены мои уже болѣли
отъ этихъ двухъ концовъ ѣзды.

— Прощайте, докторъ!.. обратил-
ся онъ ко мнѣ.

— Прощайте, голубчикъ... отвѣ-
тилъ я ему.— Я радъ, что былъ для
васъ полезенъ!

Онъ намѣренно задержалъ мою
руку въ своей.

— Я долженъ былъ-бы заплатить
вамъ, докторъ, за труды... робко
сказалъ онъ.

-- Не безпокойтесь, отвѣтилъ я.—
Съ бѣдныхъ людей я не беру!

Онъ все еще держалъ мою руку
въ своей. Мы долго молчали. Слышно
было, какъ въ городѣ звонили къ
ранней обѣднѣ.

— Вы отнеслись, докторъ, сего-

дня ко мнѣ и къ моей семьѣ, какъ
къ людямъ, сказалъ наконецъ цы-
ганъ,—и я никогда этого не забуду.
До сихъ поръ всѣ считали насъ чуть
не звѣрями и чуждались насъ. Въ
благодарность за это и за спасеніе
моего ребенка я обѣщаю вамъ, док-
торъ, что буду честнымъ человѣ-
комъ и самъ. Я воспитаю своего
сына въ любви къ людямъ и всю
жизнь буду ему ставить въ при-
мѣръ васъ...

Онъ вздохнулъ, глаза его какъ-то
странно вдругъ засвѣтились и онъ
продолжалъ:

— И чтобы доказать вамъ это,
докторъ, я сегодня-же исправлю
поступокъ одного изъ моихъ това-
рищей!

Онъ быстро пожалъ мнѣ руку,
вскочилъ на коня и ускакалъ.

Я вошелъ въ городъ, пришелъ
къ себѣ домой, умылся, сварилъ
себѣ на спирту кофе, чтобы не бу-
дить такъ рано прислугу, выпилъ
его два стакана и завалился спать.
Проспалъ я до самаго вечера. А когда
я проснулся и вошелъ къ себѣ въ
кабинетъ, то ко мнѣ прибѣжалъ
мой сосѣдъ и таинственнымъ голо-
сомъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

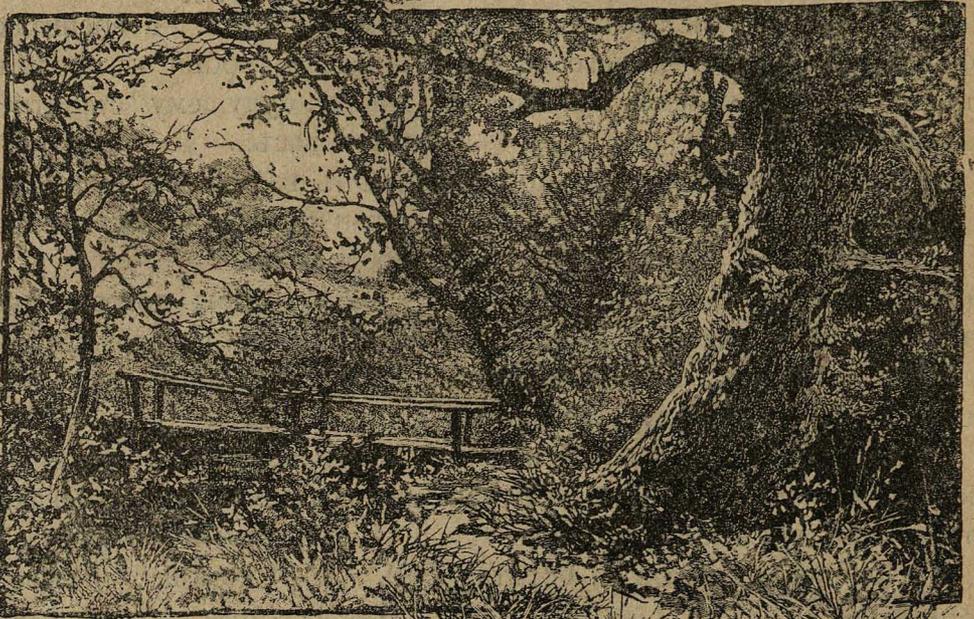
— Знаете, докторъ? Въ нашемъ
городѣ творятся чудеса! Двѣ не-
дѣли тому назадъ кто-то обворо-
валъ нашего отца протоіерея,
украсть у него все чайное и столовое
серебро, а сегодня оно, точно по
волшебству, вдругъ оказалось все
въ цѣлости лежащимъ у него въ

столовой на окнѣ. Все до послѣдней чайной ложечки!

Для всѣхъ въ городѣ казалось это страннымъ, но не казалось это таинственнымъ для меня. Я зналъ, что это сдѣлалъ мой

Дѣдушка открылъ глаза и ласково, кротко, чисто по-старчески улыбнулся.

— А потому, мои милые внуки, отвѣтилъ онъ,—что если-бы я испугался тогда грозы и не поѣхалъ, то не случилось-бы того, что я сейчасъ вамъ рассказалъ. Для испол-

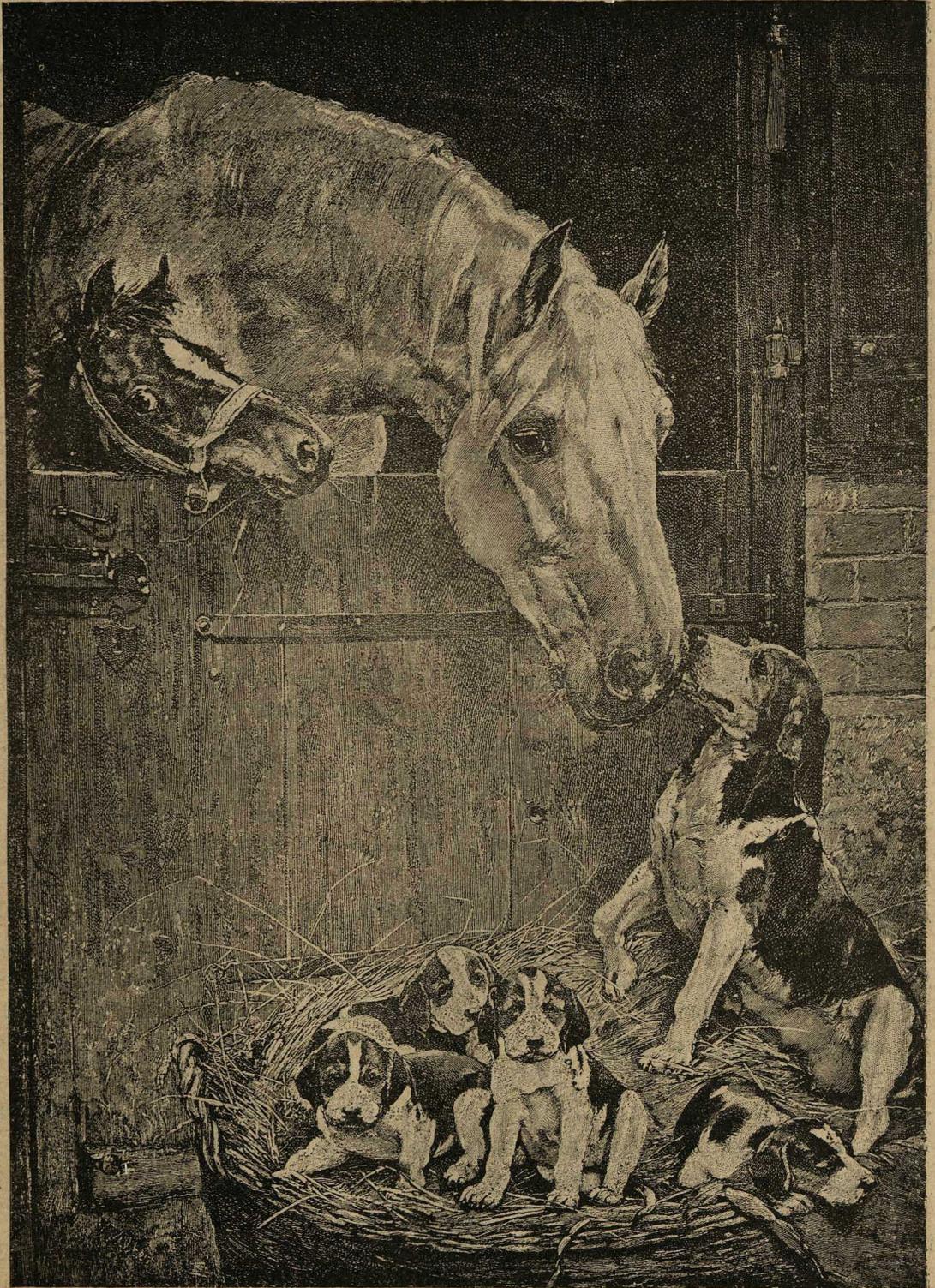
цыганъ, былъ радъ, что онъ сдержалъ свое слово, и въ душѣ былъ доволенъ, что вылѣчилъ у него сына.

... Дѣдушка окончилъ свой рассказъ и, закрывъ глаза, полный воспоминаній, откинулся на спинку дивана.

— Но при чемъ-же, дѣдушка, здѣсь гроза? вдругъ обратилась къ нему Рита.—Почему ты рассказалъ это именно по поводу грозы?

Въ глуши.

ненія долга не должно существовать никакихъ препятствій, хотя бы для этого даже пришлось умереть. Вы только подумайте, что-бы произошло тогда съ маленькимъ цыга-

Ласки.

ненкомъ, если-бы я сослался на грозу и остался дома!

Намъ было жаль, что дѣдушка такъ скоро окончилъ свой рассказъ, хотѣлось послушать его еще, но пора была уже идти спать. Гроза все еще продолжалась: молніи освѣщали окна, и громъ гремѣлъ прямо надъ

нашими головами. Но теперь намъ было уже не страшно и, всѣ четверо, мы повалили къ себѣ въ дѣтскую, улеглись въ свои постельки и скоро заснули крѣпкимъ сладкимъ сномъ.

Гіальмаръ.

ЛАКОМКА.

(Басня.)

У Коли заболѣлъ животъ,

И вотъ

Отъ боли онъ реветъ.

Ему хотятъ давать касторки,

Но въ довершеніе бѣды

Онъ не желаетъ отказаться отъ
бды.

То рыжиковъ, то килекъ, то икорки,

То колбасы покушать онъ не
прочъ

Или поѣсть пирожныхъ всласть.

День цѣлый ѣстъ, а въ ночь

Напасть:

Оретъ отъ боли во всю мочь.

Всѣмъ это въ домѣ надоѣло,

И такъ сказалъ ему отецъ:

«Глупецъ,

«Наказанъ ты за дѣло!

«Вѣдь наша жизнь всѣмъ не шутка,

«Мы здѣсь живемъ не для желуд-ка!

«Чтобъ заслужить сочувствіе дру-гихъ,

«Ты долженъ каждый мигъ

«Давать себѣ отчетъ въ своихъ по-ступкахъ.

«Всегда умѣреннымъ и аккуратнымъ
быть

«И для другихъ стараться жить.

«Не всѣ богаты, ходятъ въ шуб-кахъ,

«А есть и бѣднота,

«Ея ужъ жизнь совсѣмъ не та,

«Какою ты живешь въ избыткѣ!

«Тамъ это пытка!

«Тамъ роскошью считаютъ даже
чай,

«Тамъ непонятно наше барство!..

«Такъ вотъ теперь ты на себя пен-няй

«И иль страдай,

«Иль въ наказанье пей лѣкарство!

«Тебѣ-бы надо сдѣлать порку,

«Но, такъ и быть, ужъ пей кастор-ку»!

Тритонъ.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

У одного помѣщика былъ попугай, который любилъ повторять всѣ тѣ фразы и слова, какія долетали до него изъ разговоровъ людей. На этого помѣщика свалилось несчастье; онъ былъ долженъ князю Кречинскому, не уплатилъ ему долга въ срокъ, и князь Кречинскій рѣшилъ продать его имѣніе, а самого его выселить оттуда вонъ.

— Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ?—въ страхѣ повторялъ помѣщикъ и то и дѣло хватался въ отчаяніи за голову.—Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ? Куда мы дѣнемся?

Узнавъ объ его горѣ, къ нему приѣхалъ его сосѣдь и сталъ его спрашивать, въ чемъ дѣло. Но помѣщикъ былъ такъ разстроены, что ходилъ самъ не свой по комнатамъ и все восклицалъ:

— Князь Кречинскій! Ахъ, князь Кречинскій! Что-же это за князь Кречинскій? Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ!

— Ну, полно!—старался утѣшить его сосѣдь.—Успокойся... Давай лучше выпьемъ за компанію!

— За компанію, за компанію! сталъ повторять помѣщикъ.—А куда дѣваться-то, вотъ ты мнѣ скажи! Ахъ, князь Кречинскій, князь Кречинскій!...

Эти фразы «Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ», «Князь Кре-

чинскій» и «За компанію» подслушала попугай и заучила ихъ.

Вскорѣ затѣмъ явились въ усадьбу къ помѣщику судебный приставъ и понятые и продали съ молотка все его имѣніе за долгъ князю Кречинскому. Когда вещи выносили изъ дому, то вынесли и попугая. Дверца въ клѣткѣ оказалась незапертой, онъ выскочилъ изъ нея и улетѣлъ. Узнавъ объ этомъ, помѣщикъ напечаталъ въ газетѣ объявленіе съ просьбой доставить ему этого попугая, если кто его найдетъ.

Прошла недѣля. Одинъ мужикъ отправился на охоту, раскинулъ сѣти и сталъ ловить птицъ. Когда ихъ наловилось много, онъ собралъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и пошелъ къ себѣ домой. Дома ждала его жена.

— Ну, жена, обратился къ ней мужикъ и свалилъ свою ношу на полъ,—я принесъ тебѣ дичи... Много птицъ!... Ты ихъ зарѣжь, ошипли, изжарь и свари!

Вдругъ въ мѣшкѣ раздался голосъ:

— Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ?

— Кто тамъ?—въ испугѣ спросилъ мужикъ.

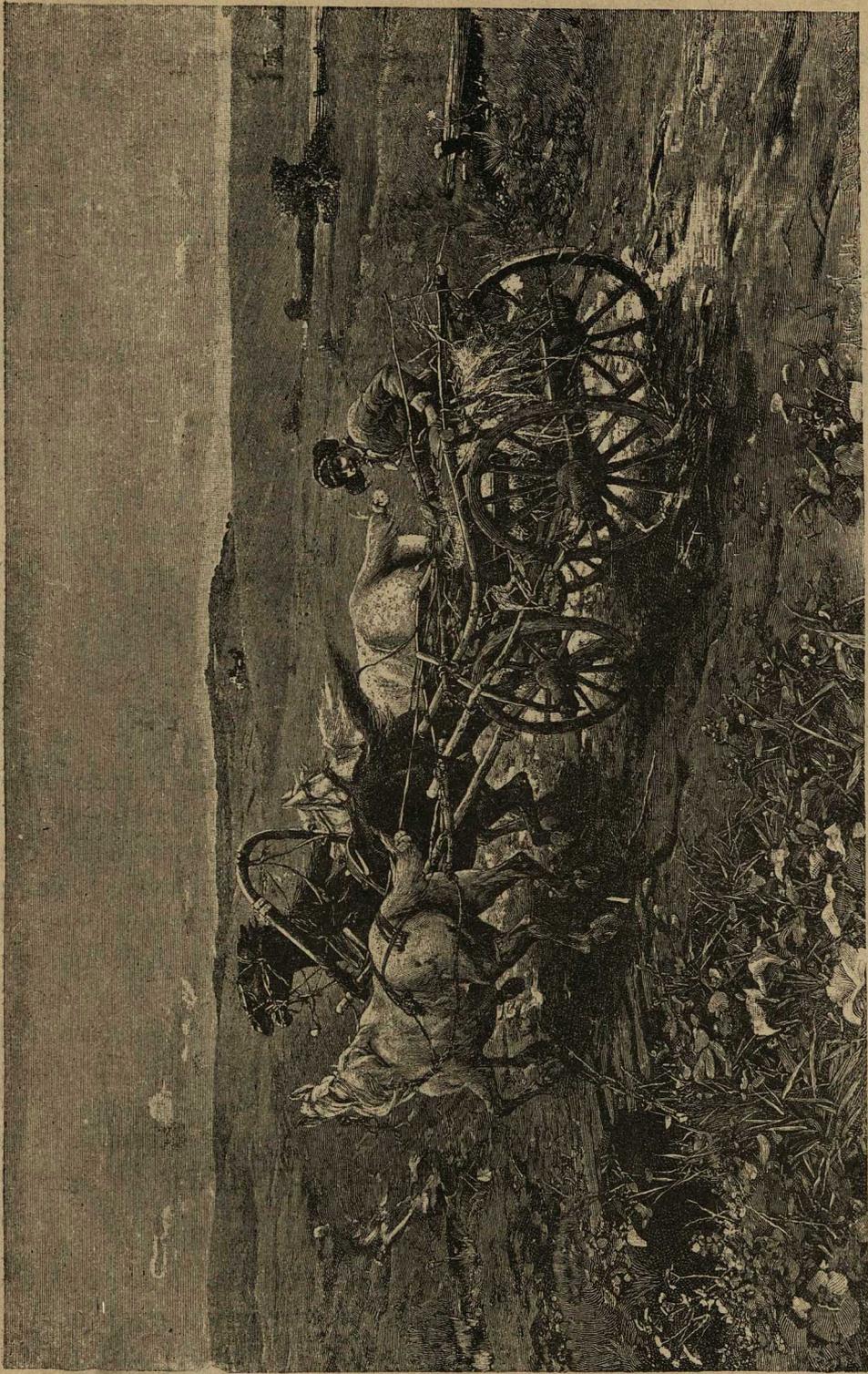
— Князь Кречинскій! — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ ты сюда попалъ?

— За компанію!...

Ранняя весна.

Пороженемъ.

Мужикъ испугался, схватилъ мѣшокъ и бросился съ нимъ бѣжать вдоль деревни

— Куда ты? Куда ты? кричали ему вслѣдъ.

Но онъ не слушалъ никого и бѣжалъ къ дьячку.

— Не до васъ... отвѣчалъ онъ впопыхахъ. У меня завелась въ мѣшкѣ нечистая сила... Я бѣса поймалъ!

А когда онъ прибѣжалъ къ дьячку, то засталъ его за чтеніемъ га-

зеты. Дьячокъ читалъ именно то самое объявленіе о попугаѣ, которое напечаталъ помѣщикъ. Вытащивъ изъ мѣшка попугая, оба они отправились къ помѣщику и получили отъ него вознагражденіе за находку.

— А все-таки это нечистая сила, продолжалъ думать мужикъ, когда они вернулись домой.— Не можетъ быть, чтобы среди птицъ были графы да князья!

Никсъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано слово, состоящее изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

Буквы. 4. 3. 5. 6. 7. 10.—означаютъ священный предметъ, 6. 7. 8. 4. 8. 9. 10.—посуду, 4. 2. 6. 7. 10.—растеніе, 4. 8. 6. 4. 8.—головной уборъ, 1. 8. 3. 8. 4. 9. 10.—насъкомое, 6. 5. 4. 3. 5. 1. 10.—тайну, 4. 8. 3. 1. 8.—то, что мы видимъ въ школахъ на стѣнахъ, 3. 8. 4. 5. 1. 8.—фейерверкъ, 2. 4. 6. 2. 6. 10.—приправу къ кушаньямъ, 4. 8. 3. 5. 7. 8.—экипажъ, 1. 3. 2. 6. 10.—названіе робкаго человѣка, 6. 5. 9. 8. 1. 10.—высшее государственное учрежденіе.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе одной изъ русскихъ провинцій.

II.

«Тамъ, гдѣ сыро и голо, валяться не слѣдуетъ; спи на травѣ, она подобна ковру, какого и не соткать человѣку; на ней сухо; уже давно съ вечера зажгла заря свое пламя; надъ рѣкой, какъ серебро, виситъ туманъ; на берегу было-бы сыро; здѣсь-же хорошо; бродятъ корова, волъ... Осыжужжать... Ложись и еще какъ заснешь!»

Найти въ этомъ отрывкѣ 12 частей человѣческаго тѣла.

III.

Шуточные вопросы: 1) Стоялъ левъ за кустомъ и пилъ воду. Явились негры, поймали его и увели въ въ неволю. Зачѣмъ его поймали и за что посадили въ неволю?

2) Дѣвочки несли лукошко съ грибами и уронили его; грибы упали на землю и разсыпались. Почему именно они разсыпались, а не остались въ лукошкѣ?

IV.

Задуманы три слова:

- 1) — — — панъ = мужское имя,
- 2) — уль = селеніе горцевъ,
- 3) тата — — — — = инородецъ.

На мѣста черточекъ поставить недостающія буквы и составить изъ этихъ буквъ новое слово, которое означаетъ горячее вещество.

Какое это слово?

V.

Задуманы три слова:

- 1) — — и — — = названіе развалины.
- 2) — — боч — — = названіе насѣкомаго.

3) — — ла — — = утренній мужской костюмъ.

На мѣста черточекъ поставить недостающія буквы и составить изъ этихъ буквъ два новыя слова, означающія:

- а) первыя буквы — одежду.
- б) вторыя буквы — то, что есть подъ поломъ и надъ потолкомъ.

Отгадать эти слова?

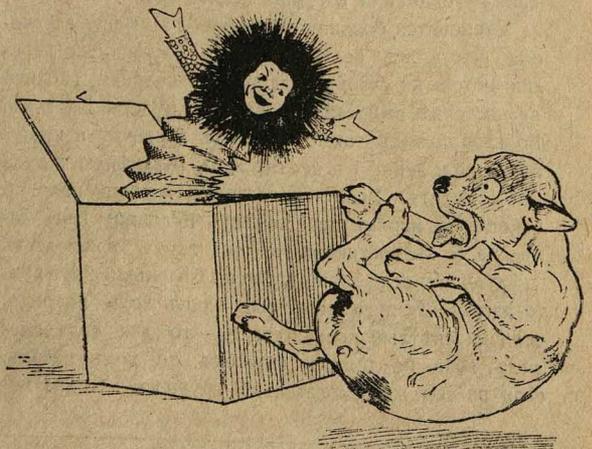
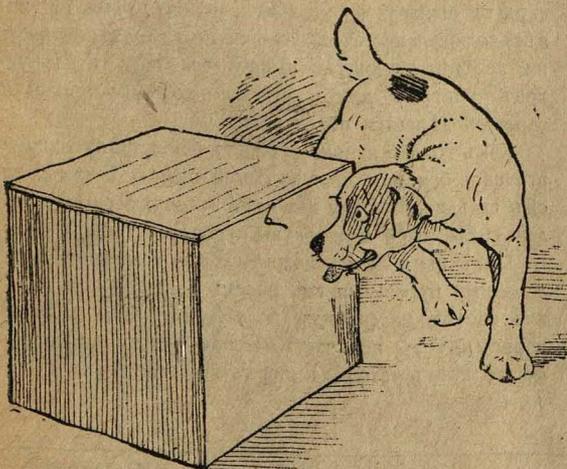
VI.

Задуманы три слова, которыя означаютъ:

1. То, что необходимо для грамотнаго человѣка.
2. Главный городъ государства.
3. Желтенькую пѣвчую птичку.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по второму слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ душистую ягоду.

Какія слова задуманы, и какая это ягода?

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и гласослѣмки, будутъ напечатаны).

ТИШЕ ЪДЕШЬ—ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ (игра).

Каждый выбираетъ себѣ на прилагаемсмъ планѣ по одному большому полю съ 28 квадратами и по два маленькихъ поля съ четырьмя квадратиками, около которыхъ стоятъ по угламъ цифры 1.2.3. и 4. Играютъ *по очереди*. Каждый запасается одной большой пуговицей и восемью поменьше.

Становятся большой пуговицей на цифру въ своемъ *большомъ* полѣ, бросаютъ косточку и передвигаются на столько квадратовъ впередъ, сколько на косточкѣ выйдетъ очковъ. Это будетъ 1-й ходъ. Во второй ходъ также бросаютъ косточку и кромѣ того еще и зерно въ центрѣ игры и замѣчаютъ куда оно упадетъ. Если на косточкѣ вышло напр. 5 очковъ, то игрокъ передвигаетъ пуговицу еще дальѣ на 5 квадратиковъ и при этомъ наблюдаетъ слѣдующее: если зерно упало на бѣленькій кружокъ, то дается для пуговицы; еще одинъ ходъ впередъ, если на свѣтлый полосатенькій,—то два хода впередъ, если на темный кружокъ, то ходъ назадъ, если на темный полосатенькій кружокъ,—то два хо-

да назадъ, если на «Стой», то игрокъ оставляетъ пуговицу на мѣстѣ, и его противникъ играетъ не въ очередь лишний разъ. Если зерно упадетъ на одну изъ цифръ 1.2.3. или 4, то передвинувъ большую пуговицу настолько квадратовъ впередъ, сколько выйдетъ на косточкѣ, игрокъ, тѣмъ не менѣе, долженъ поставить условленный заранѣе штрафъ на соответствующую цифру въ одномъ изъ угловъ вокругъ круга. Каждый ходъ косточкой и зерномъ дѣлается по очереди.

Какъ только игрокъ пройдетъ большой пуговицей все свое большое поле до самой цифры 1 или 2, то онъ ставитъ въ одну изъ клѣтокъ двухъ своихъ маленькихъ полей маленькую пуговку.

Цѣль игры—какъ можно скорѣе заставить маленькими пуговками всѣ восемь квадратиковъ обоихъ своихъ маленькихъ полей. Кому это удастся первому, тотъ получаетъ въ свою пользу всѣ штрафы со всѣхъ четырехъ цифръ по угламъ,

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ИГРЪ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски).
ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**
(гулисы, занавѣсъ, декораціи, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

* Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. *

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученичскія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода 2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.